

Владимир Шигин

Капитан 1 ранга Миклуха-Маклай

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ МОРЕЯКОВ

Владимир Виленович Шигин
Капитан 1 ранга
Миклуха-Маклай
Серия «Жизнь замечательных моряков»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22601236

*Капитан 1 ранга Миклуха-Маклай / Владимир Шигин: Горизонт;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-906858-14-6

Аннотация

Пятнадцатое мая 1905 года – одна из самых горьких и трагических дат в истории российского флота: в тот день у скал Цусимы была разгромлена японцами Вторая Тихоокеанская эскадра, олицетворение военно-морской мощи России. Там, в кровавой круговерти сражения, как никогда, проверялись мужество и долг, отвага и честь. Среди тех, кто обессмертил свое имя, был и капитан 1 ранга Владимир Николаевич Миклуха – командир броненосца «Адмирал Ушаков». Цусимский бой стал для него, как и для многих тысяч других русских моряков, последним. Командир «Адмирала Ушакова» предпочел смерть позору плена. На флагах его гибнущего корабля до самой последней минуты развевался флажный сигнал «Погибаю, но не сдаюсь...»

Содержание

Погибаю, но не сдаюсь	4
Общество китоловов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владимир Шигин

Капитан 1 ранга

Миклуха-Маклай

Погибаю, но не сдаюсь

Пятнадцатое мая 1905 года – одна из самых горьких и трагических дат в истории российского флота: в тот день у скал Цусимы была разгромлена японцами Вторая Тихоокеанская эскадра, олицетворение военно-морской мощи России. Там, в кровавой круговерти сражения, как никогда, проверялись мужество и долг, отвага и честь. Среди тех, кто обессмертил свое имя, был и капитан 1 ранга Владимир Николаевич Миклуха – командир броненосца «Адмирал Ушаков». Цусимский бой стал для него, как и для многих тысяч других русских моряков, последним. Командир «Адмирала Ушакова» предпочел смерть позору плена. На флагах его гибнущего корабля до самой последней минуты развевался флажный сигнал «Погибаю, но не сдаюсь...»

Общество китоловов

Дождливый осенним днем 1868 года вдова отставного инженер-капитана Екатерина Семеновна Миклуха везла одного из своих сыновей в Морской корпус. Владимир (так звали мальчика) с малолетства мечтал стать моряком, и, не устояв перед натиском сына, мать разрешила сдавать ему экзамены в Морской корпус. Так как влиятельных друзей или выгодных знакомств в Санкт-Петербурге не было, рассчитывать Владимиру нужно было только на себя. Тогда же в сентябре, успешно сдав вступительные экзамены, он был зачислен воспитанником в Морской корпус.

Живой и подвижный мальчик быстро освоился в непривычной для него среде и уже через месяц-другой стал заводилой во многих шалостях. Рыжие вихры его мелькали то тут, то там. По принятому в кадетской среде обычаю каждый имел прозвище. Владимира прозвали Казаком за буйный нрав и родословную, берущую свои корни в стане запорожских рыцарей. Шалости и проказы, однако, не мешали ему хорошо учиться и держать первенство по многим предметам.

Мало кто знает, но одним из прообразов знаменитого гоголевского Тараса Бульбы явился предок Миклухи – сподвижник Богдана Хмельницкого, куренной атаман Запорожского войска Охрим Макуха. Родившийся в Старо дубе в на-

чале XVII века, он имел троих сыновей: Назара, Хому (Фому) и Омелька (Емельяна). Как и гоголевский Андрий, Назар предал своих товарищей-казаков и перешел на сторону войска Речи Посполитой из-за любви к польской панночке, а Хома (прототип гоголевского Остапа) погиб, пытаясь доставить Назара к отцу. Третий же из братьев – Емельян стал предком Григория Ильича Миклухи, дяди Владимира. Григорий Миклуха учился вместе с Николаем Гоголем в Нежинской гимназии, где и рассказал ему семейное предание.

Через год в Санкт-Петербург приехал старший брат Владимира. Еще в начале 60-х годов он был исключен из Санкт-Петербургского университета за участие в студенческих волнениях, без права поступления в высшие учебные заведения империи. Пришлось уезжать в Германию, где в 1868 году Николай с блеском окончил Иенский университет. За плечами его были путешествия на Канарские острова, в Марокко и на берег Красного моря, отчеты и наблюдения о которых принесли ему широкую известность в Европе. В память об одном из племен, с которым он познакомился в путешествиях Николай взял псевдоним «Маклай», которым и подписывал свои научные статьи. Псевдоним так ему понравился, что несколько позднее он просто присоединил к своей фамилии, став, таким образом, Миклухой-Маклаем. Теперь Николай Николаевич вернулся в Россию, чтобы договориться с морским министерством о новой экспедиции, на этот раз к берегам Новой Гвинеи. Русские военные корабли совершали в

это время многочисленные океанские плавания, и Николай Николаевич надеялся, что морской министр не откажет ему в просьбе добраться до гвинейских берегов на борту одного из русских кораблей. К всеобщему удивлению, просьба была удовлетворена в самое короткое время. Дело в том, что управляющим морским министерством России был в то время адмирал Краббе. За плечами боевого адмирала были не только пылающие бастионы Севастополя, но и многолетние географические исследования на реках Средней Азии, поэтому путешественник понял путешественника с полуслова. Николаю Николаевичу было предложено отправиться к Новой Гвинее на корвете «Витязь», уходившем в скором времени на усиление Тихоокеанской эскадры.

Фото Николая Миклухо – студента (до 1866 года)

Надо ли говорить, как мечтал отправиться вместе со старшим братом Владимир! Но отпустить из корпуса его никто не мог, да и старший брат был против.

– Чтобы стать настоящим путешественником, надобно много знать, – наставлял он Владимира. – Вот выучишься, тогда и отправимся в экспедицию вдвоем, а пока учись!

И кадет, выполняя наказ брата, учился только на «отлично». А наступал вечер, он и его друзья собирались в дальней, курительной, комнате. Рассевшись на подоконниках, вели они разговоры, далекие от обычных кадетских тем. Горячо обсуждали работы Герцена и Добролюбова, до хрипоты спорили о Белинском и Чернышевском. Огромной популярностью пользовалась и запрещенная книга Лассаля «Положение рабочего класса». Постепенно из числа самых яростных спорщиков образовалась небольшая группа, члены которой гордо именовали себя революционерами. В число «революционеров» входили кадеты: Коля Суханов, Коля Юнг, Серебрянников, Добротворский и другие. Вольнодумцы мечтали о республиканском строе, всеобщем братстве и равенстве. Взглядов своих особенно не скрывали, доноительство было у кадетов не в чести.

Выстраивая хронологию последующих событий, необходимо особо подчеркнуть, что большинство кадет – «революционеров» в будущем ожидала блестящая карьера, их имена

на раз заносилось в списки лучших воспитанников, а в истории Отечества эти же имена неразрывно связаны с героикой русско-японской войны. Думается, что это было не случайно, так как в кружок вольнодумцев входили наиболее развитые, думающие и радеющие за Отечество мальчишки.

Поступление в училище Миклухи и его друзей совпало с приходом туда нового начальника капитана 1 ранга Епанчина. Пунктуальный и строгий Епанчин сразу же завел специальный «конduitский журнал», в который ротные командиры обязаны были записывать любые, даже малейшие подозрения в отношении какого-либо кадета или гардемарина. Делалось это как бы с благой целью: уберечь будущих офицеров от зловредных либеральных влияний. По сути же начался самый настоящий сыск. Впрочем, Епанчин как в воду глядел.

Серебренников Петр Осипович

Первым в «конduitский журнал» угодил кадет Серебренников. Случилось это осенью 1871 года. В час досуга по скрипучей лестнице, оглядываясь, Петр поднимался на чердак. Там, в укромном месте хранил он журналы, приноси-

мые «с воли». Зажигал огарок свечи и читал, давал читать друзьям. И Миклуха, и Юнг и другие были частыми гостями его угла на чердаке. Прошел месяц, другой – все обходилось. Серебренников старался лишний раз не попадаться на глаза дежурным воспитателям, по сигналу барабанщика спускался к ужину, всегда застегнутый на все пуговицы, старательный, аккуратный... И вдруг, как гром среди ясного неба, – инспектор училища. Можно было бы спрятаться в закоулках темных галерей чердака. Но Серебренников вышел навстречу.

– Ах ты, нигилист чистой воды! – покачал головой инспектор, отбирая у Петра журнал «Отечественные записки».

Перед Епанчиным сразу встал вопрос, где юноша страстился к этой литературе? Ответ, думается, дает известный в ту пору писатель П. Д. Боборыкин, учившийся несколько раньше в Нижегородской гимназии: «...я видел большой интерес к чтению. Формальный запрет, лежавший, например, на журналах «Отечественные записки» и «Современник» у нас в гимназии, не мешал нам читать на стороне и тот и другой журнал». Видимо так обстояло дело тогда не только в Нижегородской гимназии.

Теперь Епанчин уже предметно занимался поиском вольнодумцев. Вскоре по ряду косвенных опросов и личных наблюдений ему стало ясно, что в училище тайно существует некий политический кружок. Так что, отдавая приказ «доглядывать» за воспитанниками, начальник училища мог по-

здравить себя: в так называемом «тайном обществе» состояло более двадцати кадетов и гардемарин. Теперь перед Епанчиным стояла нелегкая дилемма: докладывать ли о своем открытии наверх или постараться разобраться во всем самому и постараться разругать ситуацию самому. Епанчин предпочел второй вариант, о чем вскоре пожалел.

Дело в том, что одновременно с вольнодумским обществом в училище возникло и другое, члены которого гордо именовали себя «бутылочной компанией». Во главе его встал известный любитель спиртного и склонный к подлостям Дюбрейль-Эшаппер Первый, друживший с самим наследником престола.

Обе группы смертельно враждовали, борясь за влияние в кадетской среде. Но если «революционеры» первенствовали в учебе, да и в словесных стычках последнее слово неизменно оставалось за ними, то «бутылочники» верховодили в пьянках и в уличных драках с армейскими – юнкерами. Опухшие, с подбитыми глазами «бутылочники» не вылезали с корпусной гауптвахты. Авторитет их резко падал. Наконец настало время, когда редко какой кадет стал подавать им руку. Влияние же «революционеров» росло: их отличало за успехи в учебе начальство, к ним прислушивались товарищи, а посиделки в курилке превратились в настоящие сходки. Поняв, что «бутылочная компания» скоро окончательно распадется, Дюбрейль-Эшаппер поймал как-то после вечернего чая кадета Хлопова.

– Нигилисты вконец обнаглели, – сказал он, пристально глядя Хлопову в глаза. – Пора бы и на хвост им наступить!

– Пора! – согласился туповатый Хлопов.

– Тогда сделай, что я скажу, – понизил голос до шепота Дюбрейль. – Начинай ходить по вечерам в курилку к нигилистам, и что вредное против императорской фамилии и самого монарха услышишь, мне доноси. А уж я передам твои слова, куда следует.

– Боязно что-то, – передернул плечами Хлопов. – Как бы морду за фискальство не набили. У Миклухи с Сухановым кулаки здоровенные!

– Не бойся, – приободрил его главный «бутылочник». – Все останется между нами, а я по выпуску за тебя кому надо словечко замолвлю. Услуга за услугу. Согласен, а?

– Ага! – кивнул Хлопов и поплелся в курилку к «нигилистам».

Забравшись с ногами на подоконник, он принялся напряженно запоминать все сказанное состязавшимися в красноречии кадетами.

Вскоре всю добытую информацию Дюбрейль передал своему отцу, а тот напрямую оповестил о творящихся безобразиях в стенах морского училища жандармское управление. Теперь отвечать предстояло не только самим вольнодумцам, но и капитану 1 ранга Епанчину, как знавшему, но не донесшему по команде.

В ночь на шестое февраля 1872 года в корпусе внезап-

но появился жандармский полковник Левашев. За его спиной хищно блестели примкнутые штыки конвойной команды. Левашев протянул дежурному офицеру лист бумаги.

— Это список бунтовщиков, свивших гнездо в вашем славном корпусе. Соболаговолите мне их представить! — грозно рыкнул он на перепуганного лейтенанта. — Тащите их сюда по одному!

Заспанных «революционеров» выхватывали прямо с коек и пинками разгоняли по карцерам. Миклуха и Суханов завязали было драку с солдатами, но те, навалившись на них, быстро скрутили бунтовщикам руки.

— Не имеете права! Это незаконно! — кричал Коля Суханов.

— Молчи, морда каторжная, а то сейчас тебе зубы почищу! — двинул его прикладом в спину краснолицый фельдфебель.

Увидев Владимира, полковник обрадовался как сыну родному.

— По стопам братца своего идете, юноша, смотрите, наплачетесь!

Еще вчера шефу корпуса жандармов Шувалову поступил донос, в котором указывалось, что в Морском корпусе существует разветвленная организация заговорщиков, «вынашивающих планы ниспровержения правительства и существующего порядка для того, чтобы освободить народ от угнетения, устроить лучшие порядки в России...» Там же были и списки заговорщиков. Управляющий морским министер-

ством вице-адмирал Краббе, получив известие о происшествии в морском училище, немедленно вызвал к себе Епанчина. Тот доложил все без утайки, да и что ему еще оставалось. Выслушав Епанчина, Краббе был поражен, брови у него поползли вверх. Что он говорил Епанчину, история умалчивает, но, думается, начальник училища получил за своих воспитанников по полной программе.

К чести Краббе, он был человеком незлобивым, а, кроме того, выдающимся царедворцем. Адмирал понимал, что чрезмерное раздутие этого дела ни к чему хорошему не приведет. Разумеется, можно снять с должности Епанчина и выгнать из училища кадет-вольнодумцев, но это вызовет большой скандал. Император, безусловно, будет раздражен делами в министерстве и от этого прогадает в первую очередь сам Краббе. А потому мудрый адмирал, прежде чем выплеснуть гнев наружу, решил провести расследование лично, что было, разумеется, для того времени исключением из правил. История русского флота такого еще не знала, чтобы делами провинившихся кадет лично разбирался сам морской министр.

Утром следующего дня арестованных начали по одному возить к управляющему делами морского министерства. Распорядился об этом сам Краббе, когда узнал о внезапных ночных арестах. Адмирал пользовался особым расположением и доверием императора Александра II и мог позволить себе некоторые вольности по отношению к жандармскому

корпусу.

– Ты не бойся, голубчик, – отечески пробасил он, обращаясь к Владимиру, когда того втолкнули в адмиральский кабинет. – Как твоя фамилия, кто отец, мать?

– Кадет Миклуха!

– Уж не уважаемого ли Николая Николаевича братец? – вскинул удивленно брови Краббе.

Много лет назад управляющий морским министерством несколько лет занимался обследованием Арала и Аму-Дарьи и с тех пор всегда особо покровительствовал путешественникам и исследователям, проявляя живой интерес ко всему, что касалось географии и океанографии. Покровительствовал Крабе и Николаю Миклухе-Маклаю, а потому личность младшего брата знаменитого путешественника вызвала в нем живой интерес. – Так точно, ваше превосходительство. *Я* младший! – скромно ответил Миклуха.

Из своего угла зло смотрел на происходящее жандармский полковник Левашев, которому министр разрешил присутствовать на допросе, но запретил вступать в разговоры.

– Да, Николай Николаевич – это наша национальная гордость. Трудный, но славный путь у него! – пустился в долгие рассуждения управляющий делами министерства.

Левашев раздраженно закашлял, давая понять, что пора приступать к допросу. Краббе недовольно покосился на жандарма.

– Ну-с, – сказал он, тарабаня пальцами по столу, – и о чем

же вы там в своей курилке болтали?

Адмирал так умело повел разговор, что Владимиру, по существу, не приходилось ничего говорить. Пока он сообщал, что ответить на очередной вопрос адмирала, Краббе уже сам отвечал за него и вел беседу дальше. Жандарм, не переставая, кашлял, но адмирал демонстративно делал вид, что не замечает его.

– А мечтал ли ты, как и старший твой брат, стать путешественником, чтобы в исканиях своих прославлять Родину и обогащать науки? – прозрачно намекал он.

– Конечно, ваше превосходительство, конечно, мечтал! – не понимая, к чему клонит адмирал, но вполне искренне отвечал кадет.

– Похвально, похвально, – закивал седобородый Краббе. – Ну, а с товарищами обсуждал ли ты смелые прожекты будущих своих плаваний?

– Конечно, ваше превосходительство! – громко отчеканил Миклуха, начиная уже о чем-то смутно догадываться.

Жандарм Левашев в углу беспокойно ерзал на стуле.

– Все, – сказал Краббе удовлетворенно. – Иди, Владимир, и думай о нашем разговоре. Пусть он послужит тебе уроком на всю жизнь!

После допроса «революционеров» поместили по приказу Краббе в одно помещение. Возбужденные происшедшим, друзья обменивались впечатлениями, договаривались, как себя вести на последующих допросах. Всем надо молчать о

наших разговорах, а донос отрицать как наговор, – горячился, размахивая руками, Николай Суханов. – А кто испугается и признается, тому «темная» и всеобщее презрение!

– Верно! – поддержали его Юнг с Серебрянниковым. – Пусть хоть на дыбу вешают, слова не скажем!

Не принимал участия в общем разговоре только Миклуха. О чем-то сосредоточенно думая, он мерил шагами карцер.

– Да ты сядь, Казак, а то аж в глазах рябит от беготни твоей! – шикнул на него здоровенный и упитанный кадет Добротворский по прозвищу Слон.

– Придумал, я, кажется, придумал! – внезапно закричал Владимир Миклуха. – Отныне мы все китоловы!

– Ты что, того? – присвистнул от удивления Юнг. – Никак умом тронулся. Тут сухари сушить надо, а он на рыбалку собрался!

Несмотря на драматизм положения, все рассмеялись. Пождав, пока иссякнет остроумие товарищей, Владимир пересказал им свою беседу с Краббе.

– У меня есть план, – продолжал Владимир. – Все мы читали книжку исследователя Максимова об освоении Севера. Помните, он писал, что следует начать в полярных водах отлов китов, отчего казна государственная большой доход иметь будет. Вот о китоловной экспедиции мы в своей курилке и мечтали.

– А разговоры о республике? – поинтересовался Добротворский.

Не о республике, а о совете капитанов на манер республиканского во время северных плаваний! – перебил его быстро все понявший Суханов.

А общество наше предлагаю назвать обществом китоловов, – выкрикнул с нар Серебрянников.

На следующий день кадеты дружно доложили администрации, что все как один желали содействовать развитию промышленности на Севере путем отлова китов. Краббе остался доволен догадливостью, а жандармы были посрамлены.

– Желания ваши весьма похвальны, но для пущей остроты назначаю вам по шесть недель без городского отпуска! – деланно насупил брови адмирал.

Он тут же отправился к императору с докладом о происшедшей ошибке с кадетами. Александр Второй воспринял доклад о закрытии дела спокойно. Умный Краббе ловко сумел обратить случившееся в остроумную шутку.

– Я вполне готов забыть их проступок, – заявил Александр Второй адмиралу. Может, из этих шалопаев еще и настоящие моряки вырастут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.